

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-232-245>

УДК 821.161.1.0+ 398.93

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Э. Ф. Шафранская

г. Москва, Россия

**«ТАШКЕНТСКИЙ ФРОНТ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ)**

Аннотация: Примерно полтора века Ташкент входил в зону российской государственности, за это время топоним Ташкент обогатил русский язык рядом фразеологических выражений, например, еще в XIX в. возникло, благодаря М. Е. Салтыкову-Щедрину, ироническое словосочетание «господа ташкентцы». В немалом ряду «ташкентских» фразеологических единиц стоит «ташкентский фронт». На материале мемуарной и художественной литературы (дневников и воспоминаний Вс. Иванова, К. Чуковского, Л. Чуковской, Е. Мелетинского, повествований В. Некрасова, К. Симонова, Н. Громовой), а также фольклора и мифологии повседневности в статье рассмотрен контекст бытования этой фразеологической единицы, рождающей как ее составные детали («ташкентские ордена», «ташкентские партизаны»), так и неоднозначные толкования (реальное приближение «немца» к Ташкенту; спасительный локус и трудовой фронт). В контексте повести Константина Симонова «Двадцать дней без войны» и архивных романов Натальи Громовой рассмотрен травматический этап в биографии советского поэта Владимира Луговского, обвиненного современниками в уклонении от участия в войне на «ташкентский фронт». В статье упомянуто также имя Николая Каразина — в виде паттерна среднеазиатских войн, значимое как для писателя Симонова, так и исторического и культурного метатекста.

Ключевые слова: Ташкент, эвакуация, Великая Отечественная война, «ташкентский фронт», навет, Владимир Луговской, Константин Симонов, Николай Каразин.

Информация об авторе: Элеонора Федоровна Шафранская — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 г. Москва, Россия; профессор кафедры русской литературы, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр, д. 4, 129226 г. Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Дата поступления статьи: 09.09.2020

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Шафранская Э. Ф. «Ташкентский фронт» (на материале фольклорной повседневности и литературы) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 232–245. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-232-245>

Топоним Ташкент в дискурсе XX в. превращается в коннотативное собственное имя (см.: [16, с. 327–329]). Помимо растиражированного «Ташкент — город хлебный», песенного «столица дружбы и тепла», лексема «ташкент» превращается в топонимический апеллиатив в значении «жара» («...предложил отдохнуть возле маленького костерка <...> вообще ташкент будет...» [9, с. 66]; «Снимай клифт, тут у нас “ташкент”! — сказал один из хозяев нар» [7, с. 310] — действие происходит в бараке пересыльной тюрьмы в Сибири, сидельцы обращаются к вновь прибывшему).

Некоторое время (со времен вхождения среднеазиатских территорий в Российскую империю, получивших название Туркестанский край, и до провозглашения советской власти) лексемой «ташкентцы» (катойконим от топонима Ташкент) называют хапуг, нуворишей, аферистов: «господа ташкентцы», «нахалкиканец из-за Ташкенту», «ташкентские цивилизаторы», «ташкентские рыцари» (см.: [24]). Позже официальный дискурс старается забыть это обидное значение слова «ташкентцы», до такой степени, что некоторые пользуются щедринскими «господами ташкентцами» совсем в ином, порой прямо противоположном щедринскому смысле (например: [3]).

Ташкентский навет

Во время Великой Отечественной войны появляется новая фразеологическая единица, образованная от топонима Ташкент, с неблагоприятным смыслом, бытующая до сих пор¹, — «ташкентский фронт». (О мифах и легендах русских националистов второй половины XX в., в репертуар которых входит и широко популярная легенда о «ташкентском фронте», пишет Николай Митрохин, см.: [14, с. 70–72].) В свою очередь, «ташкентский фронт» порождает целый комплекс фразеологических единиц, объединенных общим компонентом и семантикой: «ташкентские партизаны», «ташкентские ордена», «оборона Ташкента», «ташкентские сидельцы», «боец ташкентского фронта». Сопряженный с массовой эвакуацией советских граждан в Ташкент, этот прецедент, конечно, продукт фольклора. В дискурсе XX в. и по сей день существует благодарность городу, принявшему более миллиона эвакуированных, а также заводов и фабрик, театров и учебных заведений и т. д., однако никакого мема или афоризма эта спасительная роль города времен войны не порождает. Напротив, появляется осуждающая, цинично-ироничная фразеологическая единица — в адрес тех, кто укрывается в Ташкенте, в то время как другие сражаются на фронтах родины, — потому и фронт ташкентский.

С одной стороны, «ташкентский фронт» трактуется как род навета, антисемитского по сути². Достаточно забить в интернет-поисковики это словосочетание, как выйдут статьи, форумы, блоги — с акцентом на антисемитский паттерн этого «фронта», якобы там, в Ташкенте, укрывались одни евреи, не желавшие воевать. Встречаются материалы, как опровергающие этот посыл (с перечнем евреев-бойцов), так и подтверждающие. В нашу задачу не входит разоблачение самой интенции словосочетания «ташкентский фронт», однако стоит заметить, что бытование в таком значении, безусловно, представляется антисемитским дискурсом, который неистребим в мифологии

¹ Я (автор статьи. — Э. III.) была свидетелем недавней (2010-е гг.) бытовой сценки в подмосковном городе: мясная лавка, украшенная по случаю Дня Победы плакатами и ленточками; входит покупатель, молодежавый мужчина, и обращается к продавцу: «С праздничком! Ты ж воевал?» И продавец, и покупатель, судя по возрасту, явно не воевали. «Было дело...» — «Не на 5-м ли ташкентском фронте?»

² См., например, запись блогера iguanodonna в Живом журнале от 22.01.2007. URL: <https://iguanodonna.livejournal.com/85162.html> (дата обращения: 27.02.2020).

повседневности. Стоит отметить, что участников-евреев в войне 1941–1945 гг. значится не больше и не меньше (в процентном отношении от этнического состава), чем других этносов бывшего Советского Союза.

Нас сотни тысяч, жизни не жалея,
Прошли бои, достойные легенд,
Чтоб после слышать: «Эти кто? — Евреи! —
Они в тылу сражались за Ташкент!» [20].

— напишет в 1947 г. Михаил Рашкован, боец, участник войны, в виде распространяемого в списках стихотворного ответа Маргарите Алигер на ее отрывок «Мы евреи» (из поэмы «Твоя победа»), опубликованный в «Знамени» в 1946 г.

О «своеобразной столице тыла» [13, с. 507], Ташкенте, пишет в своих воспоминаниях ученый-филолог Е. М. Мелетинский (см.: [23]):

В Ташкенте все продавалось и покупалось, многие жили спекуляцией, в том числе за счет своего служебного положения. В мединституте за деньги получали хорошие отметки (помню одну студентку, которая плакала, что она бедна и ей надо очень стараться); в САГУ³ были случаи получения справок о присвоении кандидатской степени блатным образом (я знал потом одного такого человека). Помню инженера, который собирался купить себе место в пивном ларьке, его возлюбленную, преподавательницу английского, спекулировавшую тканями. Когда во время войны человека подозревали, что он получил ордена по блату или за деньги, ему говорили: «Ташкентские у тебя ордена!» [13, с. 507].

Один из локусов Ташкента — *Тезиковка*, вошедший в мифологию повседневности XX в. не без помощи писателей, тоже вписан в пространство «ташкентского фронта». Тезиковка — блошинный рынок. На Тезиковке времен войны продаются ордена. Набрал это слово в поисковой Сети, получаешь наиболее частотный текст: «На Тезиковке можно было купить все». И каждый автор, цитирующий этот прецедентный текст, ссылается на А. И. Солженицына, уточняя: из повести «Раковый корпус». Но в этой повести А. И. Солженицына Тезиковка не упоминается ни разу! Однако авторство нобелевского лауреата прочно связывают с этим топонимом — яркое подтверждение самостоятельной энергии фольклорной действительности. Эта фраза (скорее, ее смысл) действительно принадлежит А. И. Солженицыну, но прописана она в романе «В круге первом» (в главе 42):

Клара! Вы жили в Ташкенте, были на Тезиковом базаре и спрашиваете — где! Я еще и орден Красного Знамени хотел себе купить, двух тысяч не хватило, у меня на руках восемнадцать было, а он уперся — двадцать и двадцать.
— А зачем вам орден?
— А зачем всем ордена? Так просто, дурак, пофорсить хотел. Если б у меня была такая холодная голова, как у вас... [18, с. 257].

Потому что как по Тезикову базару походишь, посмотришь... Ведь если новенькие ордена продают и к ним удостоверения незаполненные, так это — где продажный человек работает, а? В какой организации? Представляете?.. Вообще я скажу вам, Клара, так: я сам — только за честную жизнь, но чтобы все, понимаете? — чтобы все до одного! [18, с. 259–260].

Виктор Некрасов начинает свою повесть «В окопах Сталинграда» таким диалогом персонажей:

³ САГУ — Среднеазиатский государственный университет.

...Позавчера Севастополь сдали, а он формироваться собрался... Ждут тебя в Ташкенте не дождутся» [15, с. 27].

...До Сталинграда как-нибудь доберемся.

— До Сталинграда?

— А тебя что, не устраивает? В Ташкент хочешь? Или в Алма-Ату? [15, с. 59].

В романе Юрия Карабчиевского «Жизнь Александра Зильбера», в сюжете которого — связанная с советским антисемитизмом рефлексия героя-еврея, с детства до зрелых лет, есть фрагмент, где собственно фразеологическая единица «ташкентский фронт» не названа, однако присутствует ее парафраз. Хронотоп фрагмента таков: послевоенное время, пионерский лагерь; разговор между подростками идет об отцах — кто кем работает:

Естественно, высказываются только те, у чьих отцов профессия яркая, конкретная: шофер, офицер, токарь. У Савицкого, я знаю, отец начальник, какой-то большой человек в наркомате, но Савицкий молчит, что тут можно сказать, начальник — это ведь не профессия. Кто-то вдруг говорит: «Погиб». Я тоже влезаю: «Да-да, и у меня погиб», — хотя меня-то как раз никто и не спрашивал. Но тут наступает очередь Самойлова.

— Поги-и-иб? — тянет он с удовольствием, далеко выпячивая нижнюю губу. — И-и-ди болтать, тоже погиб — помер небось от поноса!

Эта шутка нравится, все смеются. Слезы застилают мне глаза, забивают глотку.

— Да ты что! — сиплю я. — Да ты что, ты что!..

— Да ниче! Да евреи, если хочешь знать, на фронте не были, по домам на печках сидели. Ну вот, Эдик, скажи, воевали евреи?

Умненький, гладенький, очкастенький Эдик, наш «профессор», или, как сказали бы теперь, интеллектуал, смотрит трезвым невидящим взглядом.

— Да, пожалуй, это факт, ничего не скажешь. Евреев на фронте было очень мало. <...>

— Эдик! — прорываюсь я наконец. — Эдик, ну что ты, ну погиб же у меня в сорок втором, я же пенсию получаю!.. [10, с. 154–155].

Почти о той же ситуации читаем в реальном воспоминании тележурналиста Бориса Бермана:

Мой отец Исаак Борисович Берман ушел на войну в июле 1941-го. Вернулся в 1946-м. Медали почему-то не надевал, но по каким-то особым, очень редким случаям прикалывал на пиджак наградные планки. О войне не рассказывал, да я почему-то особо и не расспрашивал. Однако моя первая дворовая драка (лет в шесть, наверное) была связана с войной: кто-то из ровесников во дворе прокричал мне, что «все жида во время войны отсиджались в Ташкенте» [2].

Фольклорист и антрополог Александра Архипова публикует в фейсбуке пост⁴ с пересказом архивной записи 1945 г., где речь идет о людях, возвращающихся из эвакуации и вынужденных решать «квартирный вопрос» в коммунальных баталиях. Недовольство против евреев, вселяющихся в свою квартиру, занятую за время их отсутствия в эвакуации, выливается на улицу. Подвыпившие «пострадавшие» нападают с криками «ташкентский партизан» на первого встречного — как им кажется, еврея. «Еврей» оказывается сотрудником НКВД. Он, не стерпев оскорбления, бежит за формой и пистолетом — в итоге разыгрывается кровавая драма. (О послевоенных городах, в которых распространяются антисемитские слухи, в том числе о Ташкенте, см.: [1, с. 346].)

⁴ Архипова А. Запись в Фейсбуке от 22 января 2020 г. URL: <https://www.facebook.com/alexandra.arkhipova.50/posts/3414511275243138> (дата обращения: 22.02.2020).

Лидия Чуковская по дороге в ташкентскую эвакуацию записывает, как, навещая Анну Ахматову в другом вагоне, более комфортабельном, куда ее приглашают Маршак и Квитко, слышит от пассажира, направляющегося туда же и по тому же поводу: «Я бы тех жидов Гитлеру оставил, нехай он их всех в землю закопает живыми!» [21, с. 255], на что Анна Андреевна реагирует: «Таких надо убивать!» [21, с. 255].

Итак, «ташкентский фронт» — антисемитский навет, однако в восприятии очевидцев, современников тех военных событий, у «ташкентского фронта» присутствует и другой, ныне ушедший смысл: молва военного времени предполагает(!) вполне возможным реальным ташкентский фронт. Об этом говорят воспоминания, дневниковые записи, фрагменты художественных текстов.

Так, Константин Симонов в повести «Двадцать дней без войны» устами персонажа сообщает о приближении к Ташкенту вражеских сил:

Губер еще в первое утро, когда мылись в бане, говорил о диверсионной группе, сброшенной немцами осенью в песках под Чарджоу, чтобы взорвать единственный железнодорожный мост через Амударью, перерезав эту нефтяную нитку из Краснодарска. Группу сбросили слишком далеко в песках. И ее там же, в песках, и встретили, когда ей оставались сутки ходьбы до моста... [17, с. 306].

Всеволод Иванов⁵, находясь в эвакуации в Ташкенте, фиксирует в дневниковых записях слухи, отсылающие к буквально понимаемому «ташкентскому фронту». Вот эти непосредственные свидетельства:

В машине комиссар, часто повторяя слова “как правило”, рассказал о шпионе, которому немцы дали три тысячи рублей и направили в Ташкент, где и должен он встречать авиадесант; о девушке с Украины, которая прошла трехмесячные курсы шпионажа; о заградительных отрядах, а затем об убийстве: на окраине жила семья, двое взрослых и двое детей, пяти-шести лет, вечером соседи их видели, а утром встают, двери, ставни заперты и в 9 часов и в 10 — тоже. Подождали 11-ти и позвали милицию. Оказалось — горло у обоих детей перерезано, а муж и жена — висят. Двери заперты изнутри. Собака ничего не обнаружила. На столе рукой жены написанная записка: “детей прошу отдать на воспитание, лучше всего одиноким”. Причины не открыты [8, с. 130] (запись от 06.09.1942).

Далее в записях Вс. Иванова напряжение нарастает, краски сгущаются: люди ждут «немца» в Среднюю Азию (надо отметить, что эта информация воспринимается в XXI в. как нелепая, однако факты говорят обратное):

Крайнов высказал предположение, что немецкие аэроцистерны, может быть, заброшены в пустынях, окружающих Ташкент. Самолеты снизятся, зарядятся и прилетят в Ташкент. А здесь заборы глиняные, дома тоже — все и посыпется. Затем самолеты снизятся опять в пустыне, зарядятся и улетят. Зенитной защиты в городе нет [8, с. 135] (запись от 14.09.1942).

Вс. Иванов пишет о новых слухах, сами даты говорят об их нарастании, день ото дня «ташкентский фронт» выглядит все более очевидным: «...Ашхабад и Краснодарск бомбили, а из Ташкента эвакуируют заводы» [8, с. 140] (запись от 22.09.42); «Все говорят о возможности налетов на Ташкент. Агитаторша сказала, что “Ташкент — прифронтный город”. В домах чувствуется, что привыкшие к эвакуации уже собирают чемоданы» [8, с. 142] (запись от 25.09.1942); рабочий из ташкентских пригородов спрашивает: «У нас говорят, на Ташкент бомбу бросили?» [8, с. 147] (запись от 2–3–4.10.1942).

⁵ Иванов, Всеволод Вячеславович — писатель, драматург.

Слухи слухами, однако они проникают уже и в официоз: «Погодину⁶, перед отъездом, сказал Берестинский⁷, поднимая бокал: — Скажи в Москве, что бы ни случилось, Ташкент врагу не сдадим — Никому» [8, с. 100] (запись от 29.06.1942).

Не все благодушно настроены к эвакуированным переселенцам (как сообщает пропагандистский дискурс). Еще на подходе к Ташкенту поезд с эвакуированными встречают «бомбежкой». Пишет Лидия Чуковская: «Я оттолкнула Анну Андреевну от окна — мальчишки-узбеки швыряют камни в наш поезд с криками: “Вот вам бомбежка!” Камень ударился в стенку вагона» [21, с. 256] (запись от 09.11.1941).

Военная тыловая повседневность активно подпитывает бытование «ташкентского фронта». Помимо дневниковых записей Всеволода Иванова, на ту пору ташкентца, это подтверждает и Корней Чуковский, возвращающийся в поезде из Ташкента: «...теперь слово РОЭ⁸ имеет новое значение: Резкое Отсутствие Энтузиазма (к участию в Отечественной войне)» [22, с. 65] (запись от 21.01.1943); «Лейтенант, помешанный на том, что никто не идет защищать Родину, убил какого-то узбекского поэта, соседа по дому» [8, с.130] (запись от 7.09.1942), а также Елеазар Мелетинский, бывший в военную пору жителем «столицы тыла»:

Кстати, узбеков-мужчин было немало на улицах Ташкента... (речь идет о военном времени. — Э. Ш.). Для них имелись какие-то особые льготы. <...> Про Красноусова⁹ рассказывали, что он мотался по провинции, агитируя молодых узбеков поступать в университет: “Броню хочешь?!” [13, с. 510].

Владимир Луговской

В ташкентском тылу пребывают сотни известных публичных людей, но козлом отпущения, «сражавшимся» на «ташкентском фронте», суждено стать лишь Владимиру Луговскому. Этому прецеденту и его рефлексии посвящена повесть Константина Симонова «Двадцать дней без войны» — именно она (и снятый по ней кинофильм) позволяет говорить о том, что фразеологическая единица «ташкентский фронт» много шире антисемитского навета.

К. Симонов устами своего персонажа, военного корреспондента «Красной звезды» Василия Лопатина, его многочисленными внутренними монологами, если не оправдывает Луговского и ему подобных, оказавшихся в эвакуации, то хотя бы пытается объяснить. Лопатин, принципиальный, жесткий, мыслящий в рамках заданной идеологии, все же пытается выйти за ее рамки: все мыслимые им «за» и «против» Вячеслава (прототип Луговского) добавляют штрихи человечности к портрету корреспондента. Однако вслух он ничего не произносит, тем не менее эти послабления, сделанные оказавшемуся на «ташкентском фронте» другу, работают в пользу Лопатина. По сути, сам К. Симонов много позже войны и ухода из жизни Луговского пытается разобраться в судьбе друга и учителя (повесть опубликована в 1976 г.).

Командированный в Ташкент, Лопатин видит Вячеслава неузнаваемым: его знаменитый голос, аж «люстра качается» [11, с. 192], теперь похож на «рыдание» [17, с. 207], бывлые «рост — великан, плечи — косая сажень» [11, с. 192] становятся «неправдоподобно худой фигурой» [17 с. 207]. «“Что же все-таки случилось с ним? И как могло случиться именно с ним?” — подумал Лопатин...» [17, с. 209].

⁶ Погодин, Николай Федорович — драматург.

⁷ Берестинский, Михаил Исаакович — сценарист, писатель.

⁸ РОЭ — медицинская аббревиатура: реакция оседания эритроцитов, прежнее название одного из параметров анализа крови, неспецифический показатель воспаления.

⁹ А. М. Красноусов — декан филологического факультета САГУ в 1942–1944 гг.

Лопатин всматривается в Вячеслава и не видит счастливого, спасшегося от войны человека, напротив, перед ним несчастный, страдалец. И Лопатин, мучительно думая о друге, глядя на фотографии, развешенные над кроватью, — они те же, что и в мирное время, сюда их привезла мать Вячеслава — понимает, что с его другом беда. Друг, прежде воевавший и на гражданской, и в Туркестанских походах, писавший об этом, да и фотографии, на которых его отец со знаками воинской доблести, всю его взрослую жизнь готовившие к другому («к войне, а не к Ташкенту» [17, с. 217]), — страдает. Что случилось с другом — Лопатин понять не может. (Так и до сих пор никто понять не может.) Но К. Симонову удается хотя бы снять позорное клеймо с Луговского, обозначить эту травму, в отличие от тех современников, которые находятся вместе с Луговским в Ташкенте. Так, Всеволод Иванов запишет в дневнике:

Любовница Л.¹⁰ умирает от рака. Л. живет с ней потому, что она врач и вспрыскивает ему нечто, избавляющее его от призыва. Вторую свою любовницу Л. — в стихах — сравнивает с “Еленой Троянской”, и это — заносенная и заерзанная баба, отвратительная, как давно немывтая перчатка¹¹ [8, с. 167] (запись от 22.10.1942).

Имея в виду судьбу Луговского, К. Симонов пишет о своем персонаже Вячеславе:

Было не с ним одним; было и с другими такими же сорокалетними, как он. И на фронт не ездили, а просто эвакуировались, уехали. Приняли близко, некоторые даже слишком близко, к сердцу советы сберечь себя для литературы и получили разные брони. Но другим как-то забыли это, спустили — кому раньше, кому позже. А ему — нет, не забыли! Слишком уж не сходилось то, чего от него ждали, с тем, что вышло... [17, с. 211].

Оба симоновских персонажа, приятели Вячеслав и Лопатин, умалчивая о беде, случившейся с одним из них, вслух рассуждают о ситуации-перевертыше, «наоборот». Вспоминают некоего поэта П. А., которого ругали и «били» до войны «за все, что бы он ни написал. И за идеализм, и за пацифизм, и за псевдогуманизм, и еще черт знает за что! И просто за некоторые странности его письма» [17, с. 268]. Вот уж он точно должен быть в эвакуации, или на «ташкентском фронте». Но, к всеобщей неожиданности, оказывается в действующей армии и получает прозвище «Тушин». Это тот самый толстовский Тушин, которому ничего не приказывают, «куда и зачем стрелять, и он, посоветовавшись с своим фельдфебелем Захарченко, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню» [19, с. 221].

Лопатин сначала мучительно думает, а потом терзает Вячеслава своими сопоставлениями, предполагая таким способом вывести его из морального ступора:

Лопатин говорил все это, ощущая жестокий для Вячеслава смысл сказанного, но все равно говорил. Да, вот так оно все вышло с тем, другим человеком, и пусть слушает, терпит, раз спросил. <...> почему от него нельзя было ждать, что пробьет час — и станет “Тушиным”? [17, с. 268–269].

Есть в повести и вполне объективное оправдание «ташкентскому фронту» как трудовому. Посетив завод по производству деталей для вооружения, Лопатин говорит об увиденном им «поле боя», о «второй войне» — здесь, на заводе:

¹⁰ Под «Л.» имеется в виду Владимир Луговской.

¹¹ Так выглядит, в восприятии Вс. Иванова, Е. С. Булгакова.

...лица — русские и нерусские, худые, грязные, закопченные. <...> И хотя там, в Сталинграде, были одни мужские лица — а здесь и женские и детские, — все равно это вспомнилось. Не по сходству, а по какому-то более глубокому чувству общности между тем и другим. И в конце митинга директор завода — высокий генерал, подхвативший под мышки и приподнявший так, чтобы их все увидели, двух совсем маленьких, тощеньких подростков, и его осекшийся хриплый голос: «Вот они, наши герои, сверх плана...» [17, с. 282].

Следует отметить, что в симоновском повествовании сама фразеологическая единица «ташкентский фронт» не упомянута, однако она присутствует в виде развернутых парафраз. Так, режиссер сетует, что его сын Ромка считает отца безнадежным человеком, раз он сидит в Ташкенте и не получает боевых наград. Жалуется и Губер, откомандированный в Ташкент: «Боюсь, как бы не проходил до конца войны с медалью “20 лет РККА” <...> если так и до конца войны, как потом детям объяснишь, — почему?» [17, с. 221]. Лопатин вспоминает, как недавно в Москве услышал от редактора о нежелании печатать стихи Вячеслава Викторовича, потому что они присланы не с фронта, а из Ташкента. Лопатин думает о новом муже своей бывшей жены, который много моложе его и здоровее, тем не менее он не на фронте, а здесь, работает в театре. Таким образом, Лопатин приходит к умозаключению, что война — это Страшный суд. И «тот, кто надеется, что его лично на этот Страшный суд авось да не вызовут <...> вот тот действительно грешник перед всеми другими! Тому по всей справедливости — только в ад!» [17, с. 305].

Покинув Ташкент, Лопатин продолжает мучиться теми же вопросами. Уже в Тбилиси он спрашивает своего давнего товарища: «Скажи, Виссарион, вот брат твоей жены обоих сыновей отдал и обоих потерял, а бывает у вас так, что откручиваются от фронта, откупаются?» [17, с. 305]. «Подлые люди везде есть. И слабые люди везде есть. И готовые на все из-за денег везде есть. И готовые на все из-за своих детей везде есть» [17, с. 326], — слышит Лопатин ответ, в котором сосредоточена сложная палитра человеческих пороков и безволия.

Если К. Симонов пытается разобраться с ситуацией Луговского, создав художественную повесть, то современный писатель-архивист Наталья Громова погружается в эту человеческую драму с опорой на документы, письма, воспоминания очевидцев, свидетельства самого Луговского, оставленные в его творчестве.

Так, находясь в непрестом психологическом и физическом состоянии, Луговской тяжело переживает свою эвакуацию, до него прямо и косвенно доходят пересуды и обвинения в трусости: все его друзья на войне, а он отсиживается на «ташкентском фронте». Наталья Громова, подробно изучив драму Луговского, очень близко подходит к главной причине — к страху:

С Марией Иосифовной (Белкиной. — Э. Ш.) мы долго говорили о страхе и его природе. И тогда, слушая ее, я вдруг отчетливо поняла, что для того, чтобы спастись и преодолеть страх, Луговскому надо было преодолеть еще больший страх. Он же читал там снова и снова «Мастера и Маргариту»... а там опять о том же: трусость — главный из пороков. И тогда он стал писать свою книгу, книгу поэм «Середина века» — писал, как умел, как мог, абсолютно честно, а главное, полностью обнажая себя. А Елена Сергеевна (Булгакова. — Э. Ш.) печатала ее на машинке, видя, что он спасается, и ей было уже не так страшно за него [5, с. 121].

Как Луговской оказывается в Ташкенте? Он, начав войну в действующей армии, был сразу же контужен и комиссован. Вместе с матерью и сестрой эвакуируется в Ташкент. По воспоминаниям Марии Белкиной, в поезде, по дороге в Ташкент, Луговской не раз пытается объясниться с ней:

Она предполагала, что из-за Тарасенкова — тот был его старинным приятелем по журналу «Знамя», с первых дней войны — на фронте. Луговскому было бесконечно стыдно перед ней. Он много раз возвращался к истории своего «бегства». Все пытался ей объяснить, что та катастрофа, когда он увидел не войну, а настоящий ад, изменила его абсолютно. Он не знал, что делать дальше, как ему быть с собой таким, каким он стал. Но теперь в его словах не было наигрыша, актерства. Тут надо добавить в его защиту, что он был комиссован, признан больным [5, с. 118].

Луговской пишет из Ташкента Александру Фадееву в 1942 г.:

Болезнь моя для санатория с белыми кроватями и разнообразными птичками, а не для сурового времени войны. Поэтому (плюс страшноватая обстановка дома) я до последнего времени чувствовал себя все хуже, стал закатывать припадки и испытывать чертовскую слабость. <...> ... Вообще работаю с трудом, преодолевая слабость, но упорно [4, с. 107].

И ему же в 1943 г.:

Очень трогательно звал меня в Москву Костя Симонов, который у меня жил, и другие добрые люди. <...> Хотя на недавнем переосвидетельствовании дали мне 3 статьи вместо 2-х прежних и болезнь прогрессирует, но душевная направленность уже не так боится трудностей [4, с. 246].

Этапы переживаний личной драмы отражены в поэме Луговского «Середина века», которую он начинает писать в Ташкенте:

— Ты уезжаешь, милый?
— Уезжаю...
— Ты призван, милый?
— Да, как будто призван! [12, с. 211].

А он хотел гореть
Вдвоем с любимой на высоком небе.
Он так и не узнал все силы века,
Не понял смысл трагических времен
И сам не заплатил за это кровью,
Как сверстники его там, под Орлом [12, с. 256].

Истоки «ташкентского фронта»

Надо заметить, что фразеологическая единица «ташкентский фронт», со всеми ее фольклорно-мифологическими обертонами, могла возникнуть именно в пору Великой Отечественной войны, в парадигме «фронт — тыл», т. е. в удаленности среднеазиатских территорий от фронтовых локусов. Однако не так давно (для Константина Симонова и Владимира Луговского) эти среднеазиатские территории были вполне боевыми и фронтовыми, о чем впрямую упоминает Симонов — устами Вячеслава Викторовича и Лопатина:

— А помнишь, какая жара стояла в Пянджикенте¹² тогда, в тридцать четвертом году?
Лопатин помнил, какая тогда стояла жара, но гораздо лучше помнил другое: как, попав тогда в Среднюю Азию, черной завистью завидовал Вячеславу, который перед этим, во время боев с басмачами, целую неделю находился при штабе Кавдивизии у знакомого ему и воспетого им потом в стихах комдива [17, с. 209].

И, что немаловажно, повесть К. Симонова содержит одно из первых упоминаний в советское время, после намеренного забвения в 30-е гг., имени «Каразин», ставшего

¹² Пянджикент — город в Средней Азии.

в истории русской литературы символом тех первых Туркестанских походов (см.: [25]). Когда симоновский Лопатин прибывает в Ташкент, он попадает в квартиру, в интерьере которой по стенам развешены акварели.

Старая Средняя Азия! Арбы, верблюды, караваны, всадники, лошади. Под двумя акварелями, висевшими пониже, на одной из которых был изображен пригнувшийся к луке седла казак с нагайкой, а на другой — табун, Лопатин разобрал подпись: «Каразин», — и вспомнил, как в молодости читал полные занятых подробностей книжки этого превосходного акварелиста, участника туркестанских походов [17, с. 237–238].

Судя по этому фрагменту, К. Симонов равнодушен как к художнику, так и писателю Николаю Каразину. А когда Лопатин, герой симоновской трилогии, встречается на поле боя последнего обладателя квартиры с каразинскими акварелями, генерала Ефимова, тот первым делом спрашивает: «Ну и как там, не набезобразничали товарищи артисты? Картинки мои висят? — Висят» [17, с. 347].

О симпатии К. Симонова к каразинской прозе и отчасти о влиянии на него Каразина свидетельствует сам жанр симоновского повествования — «Из записок Лопатина». Многие тексты Каразина сопровождаются подзаголовочными данными: «Дневник корреспондента», «Из записок линейца». Да и сам род занятий Лопатина — военный корреспондент — сродни военной стезе Каразина.

Если в сознании современников «ташкентский фронт» — ироническое словосочетание, то в памяти К. Симонова и его героев этот среднеазиатский локус связан с боевыми воспоминаниями (в контексте которых имя Каразина становится символичным).

Итак, мы рассмотрели механизм мифологии повседневности, который трактует факты истории и частных судеб в традиционной для фольклора и массового сознания черно-белой гамме, без учета сложностей и психологических травм индивидуальных судеб. А он требует иной оптики, например, обозначенной Анной Ахматовой. Читая в дороге «Алису в Зазеркалье», переданную Корнеем Чуковским для чтения детям в дороге, она обращается к Лидии Корнеевне: «Вы не думаете, что и мы сейчас в Зазеркалье?» [21, с. 254].

Некоторые интенции мифологии повседневности, а точнее фольклорных текстов, американский антрополог Алан Дандес называет опасной и действенной силой зла [6, с. 228]. Более всего этот вердикт относится к наветам, в диапазоне от «кровавого» до «ташкентского фронта».

Надо отметить, что из опроса, проведенного в соцсети фейсбук и в реальности, о знакомстве с фразеологической единицей «ташкентский фронт» выстраивается следующая картина:

- 1) респонденты, причастные к Ташкенту (проживающие там ныне, проживавшие прежде, бывшие в эвакуации) о «ташкентском фронте» не знают;
- 2) респонденты, проживающие в России и Украине, знают;
- 3) часть респондентов ссылается на Интернет (знают) и на сетевые баталии, посвященные войне (там, как правило, звучит антисемитская направленность «ташкентского фронта»).

Ушедшая, или уходящая, из устного обихода фразеологическая единица «ташкентский фронт» тем не менее должна быть зафиксирована как факт истории языка и повседневной культуры военной и послевоенной поры. Если нынешнее поколение тридцати-сорокалетних не может продолжить фразу «Ташкент — город... (хлебный)»,

входящую в корпус русских фразеологизмов, то о «ташкентском фронте», тем более, знают немногие. А это факт не только языковой и фольклорный, но и исторический, без него вряд ли будут поняты многие человеческие судьбы и литературные тексты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Архипова А., Кирзюк А.* Чужак в советской стране // *Архипова А., Кирзюк А.* Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 307–374.
- 2 *Берман Б.* Оставьте в покое // *Взгляд: Деловая газета.* 2013. 26 апреля. URL: <https://vz.ru/opinions/2013/4/26/630473.html> (дата обращения: 22.02.2020).
- 3 *Голендер Б. А.* Мои господа ташкентцы: История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент: Infocom.uz., 2007. 264 с.
- 4 *Громова Н. А.* Эвакуация идет... 1941–1944. Писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008. 447 с.
- 5 *Громова Н. А.* Ключ. Последняя Москва // *Н. А. Громова* Пилигрим. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. С. 79–380.
- 6 *Дандес А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сборник статей / пер. с англ.; сост. А. С. Архипова. М.: Восточная литература, 2003. 279 с.
- 7 *Демидов Г.* Оборванный дуэт: Рассказ // *Есть всюду свет...* / сост. С. С. Виленский. М.: Возвращение: Музей ГУЛАГа, 2012. С. 302–333.
- 8 *Иванов Вс.* Дневники. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 492 с.
- 9 *Кабаков А. А.* Московские сказки. М.: Вагриус, 2005. 301 с.
- 10 *Карабчиевский Ю.* Жизнь Александра Зильбера / пер. А. Карив. М.: Мосты культуры, 2001. С. 147–367.
- 11 *Луговская Т. А.* Как знаю, как помню, как умею: Воспоминания, письма, дневники. М.: Аграф, 2001. 384 с.
- 12 *Луговской В. А.* Середина века: Книга поэм. М.: Сов. писатель, 1965. 348 с.
- 13 *Мелетинский Е. М.* Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 576 с.
- 14 *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
- 15 *Некрасов В. П.* В окопах Сталинграда. М.: Панорама, 2000. 512 с.
- 16 *Отин Е. О.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2004. 410 с.
- 17 *Симонов К. М.* Двадцать дней без войны // *Симонов К. М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 7: Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина): роман в 3 ч. С. 183–348.
- 18 *Солженицын А. И.* В круге первом: Роман. Кн. 1 // *Солженицын А. И.* Малое собр. соч.: в 7 т. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 1. 352 с.
- 19 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Худож. лит., 1937. Т. 9. 517 с.
- 20 *Хазан И.* «Мы евреи» Маргариты Алигер и ответ Михаила Рашкована // *Isralove.org.* URL: <https://isralove.org/load/28-1-0-1324> (дата обращения: 22.02.2020).
- 21 *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Время, 2007. Т. 1: 1938–1941. 592 с.
- 22 *Чуковский К. И.* Дневник: в 3 т. М.: ПРОЗАиК, 2011. Т. 3: 1936–1969. 640 с.

- 23 *Шафранская Э. Ф.* Ташкент Мелетинского // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 441–454.
- 24 *Шафранская Э. Ф.* Резонансный контекст одной щедринской метафоры // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 78–92.
- 25 *Шафранская Э. Ф.* Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое изд-во, 2016. 370 с.

© 2021. Eleonora F. Shafranskaya
Moscow, Russia

**“TASHKENT FRONT”
(BASING ON FOLKLORE DAILY LIFE AND LITERATURE)**

Abstract: For about a century and a half, Tashkent was part of the region of Russian statehood. During this time, the toponym Tashkent has enriched the Russian language with a number of phraseological expressions. For example, back in the 19th century, the ironic phrase “gentlemen of Tashkent” arose thanks to Saltykov-Shchedrin. In a considerable number of “Tashkent” phraseological units we meet the “Tashkent front”. The present paper appeals to this precedent text, a kind of slander that appears during the Great Patriotic War. On the basis of memoir and fiction (diaries and memories of Vs. Ivanov, K. Chukovsky, L. Chukovskaya, E. Meletinsky and narratives by V. Nekrasov, K. Simonov and N. Gromova), the author considers this phraseologism in its existence context that gives rise both to its component parts (“Tashkent medals”, “Tashkent partisans”) and ambiguous interpretations (the real approach of the “German” to Tashkent, the rescuing locus and the labor front, the recent military past). In the context of K. Simonov's short novel “Twenty days without war” and N. Gromova's archival novels, the author examines a traumatic stage in a biography of the Soviet poet V. Lugovsky accused by his contemporaries of dodging the war on the “Tashkent front”. The study also mentions the name of Nikolai Karazin — in the form of a pattern of Central Asian wars, significant both for the writer Simonov and for the historical and cultural meta-text.

Keywords: Tashkent, evacuation, Great Patriotic War, Tashkent front, slander, Vladimir Lugovsky, Konstantin Simonov, Nikolai Karazin.

Information about the author: Eleonora F. Shafranskaya — DSc in Philology, Professor of Department of History of the Russian literature of the latest time, Russian State University for the Humanities, Miusskaya square, 6, 125993 Moscow, Russia; Professor of the Department of Russian Literature, Moscow City University, Vtoroy Selskohoziastvenny pr, 4, 129226 Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Received: September 09, 2020

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Shafranskaya E. F. “Tashkent front”: basing on folklore daily life and literature. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 232–245. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-232-245>

REFERENCES

- 1 Arkhipova A., Kirziuk A. Chuzhak v sovetskoj strane [A stranger in the Soviet country]. In: *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: city legends and fears in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, pp. 307–374. (In Russian)
- 2 Berman B. Ostav'te v pokoe [Leave it alone]. In: *Vzgliad: Delovaia gazeta*, 2013, April 26. Available at: <https://vz.ru/opinions/2013/4/26/630473.html> (accessed 22 February 2020). (In Russian)
- 3 Golender B. A. *Moi gospoda tashkenttsy: Istoriia goroda v biografiakh ego znamenitnykh grazhdan* [My Tashkenters Clique: A History of the City in Biographies of Its Famous Citizens]. Tashkent, Infocom.uz. Publ., 2007. 264 p. (In Russian)
- 4 Gromova N. A. *Evakuatsiia idet... 1941–1944. Pisatel'skaia koloniia: Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata* [Evacuation goes ... 1941–1944. Literary colony: Chistopol. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2008. 447 p. (In Russian)
- 5 Gromova N. A. Kliuch. Posledniaia Moskva [Key. Last Moscow]. In: Gromova N. A. *Pilgrim* [Pilgrim]. Moscow, AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2016, pp. 79–380. (In Russian)
- 6 Dandes A. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz: sbornik statei* [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis: Collection of articles], translated from English; compiled by A. S. Arkhipova. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2003. 279 p. (In Russian)
- 7 Demidov G. Oborvannyi duet: Rasskaz [A duet interrupted: Story]. In: *Est' vsiudu svet...* [There is light everywhere...], compiled by S. S. Vilenskii. Moscow, Vozvrashchenie: Muzei GULAGa Publ., 2012, pp. 302–333. (In Russian)
- 8 Ivanov Vs. *Dnevnik* [Diaries]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001. 492 p. (In Russian)
- 9 Kabakov A. A. *Moskovskie skazki* [Moscow fairy tales]. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 301 p. (In Russian)
- 10 Karabchievskii Iu. *Zhizn' Aleksandra Zil'bera* [Alexander Zilber's life], translated by A. Kariv. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2001, pp. 147–367. (In Russian)
- 11 Lugovskaia T. A. *Kak znaiu, kak pomniu, kak umeiu: Vospominaniia, pis'ma, dnevniki* [How I know, how I remember, how I know how: Memoirs, letters, diaries]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 384 p. (In Russian)
- 12 Lugovskoi V. A. *Seredina veka: Kniga poem* [The middle of the century: Book of poems]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1965. 348 p. (In Russian)
- 13 Meletinskii E. M. *Izbrannye stat'i. Vospominaniia* [Chosen articles. Memoirs], responsible editor E. S. Novik. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 1998. 576 p. (In Russian)
- 14 Mitrokhin N. *Russkaia partiia: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953–1985 gody* [Russian party: movement of the Russian nationalists in the USSR. 1953–1985]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 624 p. (In Russian)
- 15 Nekrasov V. P. *V okopakh Stalingrada* [In entrenchments of Stalingrad]. Moscow, Panorama Publ., 2000. 512 p. (In Russian)
- 16 Otin E. O. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative own names]. Donetsk, Iugo-Vostok Publ., 2004. 410 p. (In Russian)
- 17 Simonov K. M. Dvadsat' dnei bez voiny [Twenty days without war]. In: Simonov K. M. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [A Collection of Works: in 10 vols.]. Moscow,

- Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. Vol. 7: Tak nazyvaemaia lichnaia zhizn' (Iz zapisok Lopatina): roman v 3 ch. [The so-called personal life (From Lopatin's notes): a novel in 3 parts], pp. 183–348. (In Russian)
- 18 Solzhenitsyn A. I. V krughe pervom: Roman. Kn. 1 [In the first circle: Novel. Book 1]. In: Solzhenitsyn A. I. *Maloe sobranie sochinenii: v 7 t.* [Small collected works in 7 vols.]. Moscow, INKOM NV Publ., 1991. Vol. 1. 352 p. (In Russian)
- 19 Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.], under the general editorship of V. G. Chertkova. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1937. Vol. 9. 517 p. (In Russian)
- 20 Khazan I. “My evrei” Margarity Aliger i otvet Mikhaila Rashkovana [“We are Jews” Margarita Aliger and Mikhail Rashkovan's answer]. In: *Isralove.org*. Available at: <https://isralove.org/load/28-1-0-1324> (accessed 22 February 2020). (In Russian)
- 21 Chukovskaia L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova: in 3 vols.]. Moscow, Vremia Publ., 2007. Vol. 1: 1938–1941. 592 p. (In Russian)
- 22 Chukovskii K. I. *Dnevnik: v 3 t.* [Diary: in 3 vols.] Moscow, PROZAIK Publ., 2011. Vol. 3: 1936–1969. 640 p. (In Russian)
- 23 Shafranskaia E. F. Tashkent Meletinskogo [Tashkent of Meletinsky]. *Antropologicheskii forum*, 2007, no 7, pp. 441–454. (In Russian)
- 24 Shafranskaia E. F. Rezonansnyi kontekst odnoi shchedrinskoi metafory [Repercussions of a metaphor of M. E. Saltykov-Shchedrin]. *Voprosy onomastiki*, 2014, no 2 (17), pp. 78–92. (In Russian)
- 25 Shafranskaia E. F. *Turkesterskii tekst v russkoi kul'ture: Kolonial'naiia proza Nikolaia Karazina (istoriko-literaturnyi i kul'turno-etnograficheskii kommentarii)* [A Turkestani text in Russian culture: Colonial prose of Nikolay Karazin (historico-literary and cultural and ethnographic comment)]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2016. 370 p. (In Russian)